

У передмові до нарисів «Людська пам'ять про старовину» С. Носа, надрукованих в «Основі», писалося: «Добре той робить, хто з старосвітськими людьми розмовляє та все стародавнє списує: се він готує на дальші часи скарб, такий, що дається не всякому. Багато дечого й недоладу старі люди плещуть та все треба вислуховувати, поки дороге зернятко тобі з їх оповідання впаде. Таких зернят єсть доволі у писанні п. Носа, котре подаємо до уваги людям, до старовини охочим» [2, с.186].

Творчість О. Стороженка відповідала програмним настановам журналу «Основа», де побачила світ більшість оповідань прозаїка. Ці твори стоять в одному ряду з оповіданнями й нарисами, де йшлося про екзотику хуторянського життя, старосвітські традиції.

Таким чином, є підстави стверджувати, що «Основа» сприяла становленню таких творчих особистостей, як О. Стороженко, стала частиною його духовного світу, формувала філософські та літературно-естетичні погляди митця.

ЛІТЕРАТУРА

1. Білецький О.І. Іван Семенович Левицький (Нечуй) // Збір.праць: У 5 т. / О.І. Білецький – К., 1965. – Т.2. – С.318-367.
2. Бернштейн М.Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50-60-х років XIX ст. / М.Д. Бернштейн – К., 1959. – 215 с.
3. Бернштейн М.Д. Українська літературна критика 50-70-х років XIX ст. / М.Д. Бернштейн. – К., 1959.
4. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т./А.И. Герцен – М., 1957. – Т.7.
5. Гром'як Роман. Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX століття). / Роман Гром'як : Посібник для студентів гуманітарних факультетів вищих навчальних закладів. – Тернопіль, 1999. – 224 с.
6. Єфремов С. Історія українського письменства/ С.Єфремов. - К., 1995. – 688 с.
7. Нечуй-Левицький І.С. Збір.творів: У 10 т. / І.С. Нечуй-Левицький– К.: Наукова думка, 1965-1968.
8. Пыпин А. История русской этнографии / А. Пыпин. – СПб, 1891. – Т.3.
9. Федченко П.П. Література 40-60-х років// Історія української літератури XIX століття: У 2 кн. Кн.1/ [за ред. акад. М.Г.Жулинського]. – К., 2005. – С.395-426.
10. Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. З останніх десятиліть XIX в. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 2008. – 464 с.

В. Ф. Иванов

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
(г. Киев)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ВОЗРЕНИЯХ ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ

Политологический подход к изменениям в современном обществе, в частности, попробовал представить американский исследователь Френсис Фукуяма. Он считал, что в течение второй половины XX века в США — так же, как и в других экономически развитых странах — постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название “информационное общество”, “век информации” или “постиндустриальная эра” [1, с. 10, и далее]. Этот переход состоял из ряда связанных друг с другом элементов. В частности, в экономике производство как источник богатства все в большей степени заменяет сфера обслуживания. Роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и во все более умных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд все в большей степени заменяет труд физический. Производство глобализируется по мере того, как недорогие информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи — телевидение, радио, факс и электронная почта — размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ.

Общество, базирующееся на информации, по мнению Ф. Фукуямы, все в большей степени способствует возрастанию свободы и равенства — двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего. Свобода выбора — будь то свобода выбора кабельных каналов, дешевых торговых центров или друзей в Интернете — приобретает все более неограниченный характер. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, пред-

писаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации.

Отход от индустриальной эры начался примерно с середины 60-х гг. XX ст. Этот период до начала 90-х, был также отмечен серьезным ухудшением социальных условий в большей части индустриализированного мира. Стали расти уровень преступности и социальная дезорганизация, в результате чего центральные районы городов богатейших стран становились почти непригодными для проживания. Продолжавшийся более двухсот лет упадок родственных связей как социального института резко ускорился во второй половине XX века. Наконец, доверие к общественно-политическим институтам претерпевает, по мнению Ф. Фукуямы, глубокий упадок. В конце 50-х годов большинство населения США и Европы выражало доверие своему правительству и своим согражданам, но только незначительное меньшинство сделало это в начале 90-х. Характер участия людей в жизни друг друга также изменился. Хотя нет данных, подтверждающих, что люди стали меньше общаться, их взаимные связи имеют тенденцию становиться менее постоянными, налагающими меньше обязательств и включающими меньшее количество участников.

Эти перемены носили драматический характер, все они имели место во многих странах, находящихся примерно на одинаковом уровне развития, и происходили примерно в один и тот же период истории. По мнению Ф. Фукуямы, они создали Великий Разрыв в социальных ценностях, преобладавших в обществе индустриального века в середине XX века. Было ли всего-навсего случайностью то обстоятельство, что все эти негативные социальные тенденции, которые в совокупности отражают деградацию социальных связей и общих ценностей, объединяющих на Западе людей, имели место именно тогда, когда экономика в этих обществах совершала переход от индустриальной эры к информационной? Гипотеза Ф. Фукуямы заключается в том, что данные тенденции на самом деле тесно связаны, и вместе со всеми благодеяниями, проистекающими из более сложной экономики, основанной на информации, в нашей социальной и моральной жизни произошли также определенные неблагоприятные изменения. Связи между двумя тенденциями были технологическими, экономическими и культурными. Меняющаяся сущность труда вела к замене физического труда умственным, побуждая тем самым миллионы женщин искать работу и подрывая традиционные представления, на которых была основана семья. Инновации в медицинских технологиях, такие как противозачаточные таблетки и увеличивающееся долголетие, уменьшили роль семьи и продолжения рода в жизни людей. На рынке и в лаборатории культура радикального индивидуализма способствует прогрессу и инновациям, но ведь она распространилась и в сфере социальных норм, где, в сущности, привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации.

Однако считал Ф. Фукуяма, в этом есть и своя положительная сторона: социальный порядок, однажды подорванный, стремится переустроиться заново, и имеется немало признаков того, что сегодня именно так и происходит. Подобного можно ожидать по одной простой причине: человеческие существа по своей природе — создания социальные: их наиболее глубокие побуждения и инстинкты ведут их к тому, чтобы творить моральные правила, которые связывали бы их вместе, образуя общности. Они также по природе существа еще и рациональные, и их рациональность позволяет им спонтанно создавать различные способы сотрудничества друг с другом. Религия часто способствует этому процессу, но она не является обязательным условием социального порядка, как то полагают многие консерваторы. Не является им и сильное государство, расширяющее свою сферу влияния, как утверждают многие левые. Естественное состояние человека — не война “всех против всех”, как полагал Томас Гоббс, а скорее гражданское общество, упорядоченное наличием множества моральных правил.

Ф. Фукуяма констатировал много факторов, характеризующих переход от экономики индустриальной эры к экономике информационной эры, но один из самых важных касается природы работы как таковой. Информационная экономика заменяет материальный продукт информацией: вместо строительства новых дорог

разрабатываются транспортные схемы, благодаря которым водители более эффективно используют существующие трассы; вместо хранения больших запасов сырья системы управления обеспечивают своевременную доставку на фабрики именно того количества, которое необходимо, и именно в тот момент, когда нужно. В таком мире услуги образуют гораздо большую часть национальной экономики, а традиционное производство сокращается. Человеческий капитал оплачивается все выше и выше. Мир, изобилующий вакансиями для низкоквалифицированных голубых воротничков, исчез в 70—80-х гг. XX ст. В результате международной конкуренции, дерегулирования и — что наиболее важно — технологических изменений было создано множество новых рабочих мест, требующих высокой квалификации, и множество видов низкоквалифицированного труда начало исчезать. В своей наиболее выраженной форме экономика эпохи информации заменяет физический труд умственным, а в таком мире женщинам неизбежно отводится гораздо большая роль. Семьи стали меньше по размеру и будут продолжать становиться меньше в обозримом будущем. Через пару поколений большинство европейцев и японцев, может быть, будут связаны узами родства только со своими предками. Впервые в человеческой истории может стать обычным, чтобы в живых одновременно оказывались взрослые представители трех поколений. Могут появиться новые формы конфликтов и среди коренных жителей — к примеру, борьба между поколениями, если (или когда) представители старшего поколения откажутся дать дорогу молодым.

Ф. Фукуяма считал, что даже если мы должны ограничить наше уважение по отношению к буржуазным добродетелям, можно допустить, что рыночные общества одновременно вредят и помогают моральным взаимоотношениям. Продажная любовь или увольнение служащего с многолетним стажем ради увеличения производительности в самом деле может сделать людей циничными. Но и обратное также случается: люди приобретают социальные связи на рабочем месте и учатся честности и благоразумию, будучи вынужденными работать с другими людьми длительное время. Кроме того, социальный капитал и внутренние неформальные нормы становятся даже более значимыми при переходе от индустриальной к постиндустриальной, или информационной экономике, а ее сложность и технологический уровень растут. Комплексная деятельность должна быть самоорганизующейся и самоуправляющейся. Возможности для этого, если они не создаются основной культурой, будут обеспечиваться частными фирмами, так как от этого зависит их производительность. Мы можем видеть это в новых формах, организации, которые охватывают американские фабрики и учреждения в течение последних двадцати лет, и в особенности в концепции сети. Современные постиндустриальные капиталистические экономики будут создавать постоянный спрос на социальный капитал. В долгосрочной перспективе они также скорее всего; окажутся способны обеспечивать достаточное количество социального капитала, чтобы удовлетворить спрос. Ф. Фукуяма писал, что мы можем быть более или менее уверены в этом, поскольку известно, что частные лица ради достижения собственных эгоистических целей будут стремиться создавать социальный капитал - добродетели, связанные с ним, — такие, как честность, надежность и взаимность. Бог, религия и вековые традиции полезны для этого процесса, но не являются необходимыми.

Практика показывает, считал Ф. Фукуяма, что Великий Разрыв изживает себя и что процесс обновления норм уже начался. Рост преступности, разводов, внебрачной рождаемости и недоверия в начале 90-х гг. значительно замедлился, и даже обнаруживают тенденцию к снижению во многих странах, в которых раньше наблюдались всплески беспорядков. Пик числа разводов пришелся на начало 80-х годов, а число рождений детей у матерей-одиночек перестало увеличиваться. Списки лиц, получающих социальные пособия, сократились почти так же значительно, как и уровень преступности, в результате реформы системы государственного социального обеспечения, прошедшей в 1996 году, а также в результате благоприятных условий, обеспечивающихся экономикой 90-х годов с ее почти стопроцентной занятостью. Уровень доверия и в организациях, и на личном уровне также значительно повысился в период с начала по конец 90-х годов.

Взгляды Ф. Фукуямы касаются только незначительной части социальных изменений, происшедших с переходом общества к информационной фазе развития. Кроме того,

не учитываются изменения в связи с острым экономическим кризисом 2008 г. Однако, прогнозы этого популярного американского политолога провоцируют размышления об изменении в социальном статусе полов, реакции индивида на новые условия труда, трансформацию организационных бизнесовых и государственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: статья / Ролан Барт. – М.: ПроФукуяма Ф. Великий крах. Людська природа і відновлення соціального порядку / Пер. з англ. В.Дмитрука. – Львів: Кальварія, 2005. – 380 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Перевод с английского М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

С. Є. Ігнат'єва

Національний гірничий університет
(м.Дніпропетровськ)

ЖАНРОВИЙ ПРОСТІР ЩОДЕННИКОВОГО ДИСКУРСУ

Зацікавленість щоденниковим дискурсом легко пояснити, оскільки це один із важливих засобів духовного самовизначення особистості, вироблення власної ідентичності, окрім того – він надає відомості відносно історичних подій, побуту, культури певної епохи.

Щоденниковий дискурс кінця ХХ – початку ХХІ сторіччя вводить сучасність у широкий контекст національної культури. У ньому віддзеркалено всю складність і драматичність епохи, яка охоплює роки II світової війни, період відбудови, період загострення кризи радянської системи (середина 60-х – початок 80-х рр. ХХ ст.), період „Застою” та розвиток Україна в умовах незалежності. Це оповідь про те, як відгукується історія в конкретній людині. Щоденниковий дискурс – впорядкування власного досвіду, формування особистості. Він відображує істотні віхи життєвого шляху наратора, оголює таємниці його душі, іноді потаємні, стає насамперед сповіддю перед собою і в майбутньому – перед читачем.

Актуальність дослідження зумовлена традиційною популярністю щоденникового жанру. У літературно-художніх і суспільно-політичних виданнях в останні десятиріччя щоденник посідає помітне місце. Попри значну кількість наукових праць, присвячених теорії мовленнєвих жанрів, визначення й виділення їхніх особливостей, співвідношення між первинними і вторинними жанрами дотепер залишається відкритим. Дискусійність базового поняття лінгвогенристики зумовлена численними аспектами, все більш глибоке вивчення яких сприяє з'яві різноманітних жанрових класифікацій у різних сферах мовлення, і в щоденниковому дискурсі також.

Обов'язковим складником типологічного опису щоденникового дискурсу є його систематизація з погляду функційно-жанрової належності. Систематизація щоденникових жанрів завжди була непростю, що спричинено поліфонічністю визначення поняття жанр:

1) вид творів у галузі якого-небудь мистецтва, який характеризується певними сюжетними та стилістичними ознаками; 2) живопис на побутові теми; картина побутового сюжету; 3) спосіб що-небудь робити; сукупність прийомів; стиль, манера [1, с. 272]. Дослідженням теорії жанрів займаються представники Московської, Краснодарської, Волгоградської, Омської, Воронежської, Саратовської наукових шкіл. У сучасній україністиці окремі теоретичні аспекти мовленнєвих жанрів (МЖ) представлено в працях М.Балицької 2001, Ф.Бацевича 2005, 2006; О.В.Дерпак 2005, Кравченко 2006, А.М. Чеберяк 2010, О.С. Шлапакова 2011 та ін. Загальним принципом виділення щоденникових жанрів, новим тенденціям їхнього розвитку присвячені дослідницькі розробки Л.Є. Кройчика, О.О. Тертичного, Л.Мацько, Т.В. Радзівської, М.І.Степаненка, Т.А. Космеди. Вчені одностайні в тому, що будь-який щоденниковий жанр містить оцінну семантику, оскільки